ГОФМАН

Фалды — до пола, с кукиш —
рукава.
Сюртук растёт — вцепилась
мурава
В сукно из Граца миллионом
пальцев
И вытянула сзади в длинный
шлейф.
Мой Фабиан, беги же прочь,
не дрейфь,
Ряды пополни нищих и
скитальцев.

Поможет табакерка — нужный
дар.
С Кандидой повенчался
Бальтазар,
Сгорело вместе с прядкой
наважденье,
Вернув талантам славу и почёт.
«Лишь Кракатук», — поведал
Звездочёт, —
«Принцессе Пирлипат сулит
спасенье».

В холодном ветре царствует
недуг.
Над микроскопом чахнет
Левенгук,
В открытый зрак готовы
прыгнуть блохи...
...Эрнст Гофман покидает
погребок,
В портфеле груз вином залитых
строк
О пасторальной княжеской
эпохе.

Как саваном, накрыла город ночь.
Песочный человек, тебе ль
невмочь,
Швырнуть остатки сна в глаза
мазилы?
Пачкун, маляр, изгваздавший
костёл...
Король мышиный близко —
клык остёр
И колдовством утроенные силы.

На службу рано, но горит перо,
Ломая будни, жизнь ведя к зеро,
Взрывает мозг фантазией
абсурда.
Эрнст Гофман, Теодор и Амадей,
Изящным слогом усладит людей.
И саламандр, в каминах
скрытых мудро.

Молочных капель проливая
бель,
Рассвет подскажет: «Вот
Натаниэль —
Безумием охваченный детина.
Ты помнишь, Цахес, как решила
мать
Тебя на воспитание отдать
И навсегда избавиться от сына?»

Волшебный Гофман — немец
во плоти,
Не сможет в душу русскую
войти,
Лишь позабавит разум
кунштюками.
Где жалость наша — там
глумливый смех,
И мудрецом предстанет
пустобрех,
И палочки волшебные —
клюками.

А где любовь — присутствует
расчёт.
Пусть женихи всегда наперечёт,
Но как же грубо мерить на
цехины?
Был Кёнигсберг — теперь
Калининград,
Чудесных сказок сладкий
виноград
Не оплетёт забытые руины...

ЦИННОБЕР

— Папочка, папа, кто знал, что
такое случится,
«Он самый лучший!» — с толку
сбивала молва...
Девушка плачет, отводят
прохожие лица,
Старый профессор не может
найти слова.

Помнишь, на ордене тигра
зелёно-пятнистом —
Когти кривые, ножи
беспощадных клыков.

Слопав Циннобера, рты
промокали батистом:
«Муха всегда виновата среди
пауков».

Как я его любила, как я его
жалела,
Сам поднимался — юн,
образован и крут.
Каждый вельможа тащит мелочь
поближе к телу,
Умных они не любят, самых
отважных бьют.

Взяли ферзя на вилку — пешке
пробиться легче.
«Он плагиатор!» — с толку
сбивает молва.
«Доченька, хватит плакать,
милая, время лечит», —
Старый профессор льёт на
брусчатку слова.

Зависть и ревность в обнимку
кочуют по сказкам,
В цахесы превращают, враками
застят свет.
Девушка с новым другом
пылким предастся ласкам,
Фея помочь не в силах, фей в
Кёнигсберге нет.

ЩЕЛКУНЧИК

Сказки сюжет оживает под
скрипки в сочельник:
Мчатся снежинки, как рой
потревоженных пчёл,
Кружатся в танце и, звёздами
рухнув на ельник,
Старый башмак пробуждают —
летающий чёлн.

Двое, обнявшись, парят над
готическим храмом,
Мимо домов в снежных шапках
и длинных плащах —
Чуду навстречу, где сладости
детям задаром,
Феи вальсируют, крыльев
слюдой трепеща.

Льётся река лимонадная чинно
в бокалы,
Город конфет принимает
желанных гостей
Так по-немецки… Да разве
когда-то бывало,
Чтоб на Руси обходились без
бури страстей?..

…Ноты-цветы разрывают листы
партитуры
В пляске мелодий бессмертных
Петра Ильича.
Выжил Мышиный король —
свойство русской натуры
Недругов лютых прощать,
рубанув сгоряча.

Вместо Мари поцелует
Щелкунчика Маша,
Встав на пуанты, как фея
стройна и легка.
Гофмана сказка, отныне ты
близкая, наша…
Старый башмак пробивает
носком облака.